

Измена:

Я сама содержала
ТВОЮ ЛЮБОВНИЦУ

Виктория Северина

Виктория Северина

**Измена: Я сама содержала
твою любовницу**

«Литнет»

2026

Северина В.

Измена: Я сама содержала твою любовницу / В. Северина —
«Литнет», 2026

Я думала, что помогаю женщине, которую бросил муж. Пустила её с маленькой дочкой в квартиру своей покойной матери, привозила вещи, помогала со школой, иногда забирала Соню к себе. Сергей говорил, что Лера — сестра его погибшего друга и что мы просто не можем оставить её одну. Четыре года я верила мужу. А потом мне позвонили из школы Сони. Девочка получила травму, до её матери не дозвонились, и я приехала первой. Учительница сказала, что отец ребёнка тоже уже едет. Когда дверь открылась, я увидела своего мужа. — Папа! — закричала Соня и бросилась к Сергею. Семь лет. Моей маленькой «подопечной» семь лет. А с Сергеем мы женаты двадцать четыре. И теперь мой муж уверяет, что не собирается разрушать нашу семью. Ведь все эти годы он возвращался домой ко мне. Только Сергей ещё не понял одного. Домой ему возвращаться больше некуда.

© Северина В., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Папа	5
Глава 2. Семь лет	12
Глава 3. Я никого не хотел ранить	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Глава 1. Папа

Телефон зазвонил в тот самый момент, когда Наталья наконец решила, что сегодняшний день уже ничем её не удивит. До конца рабочего времени оставалось чуть больше двух часов, на столе лежали бумаги, которые она собиралась закончить ещё до обеда, кофе в кружке давно остыл, а за стеклянной перегородкой двое сотрудников уже минут десять спорили так горячо, будто от результата их спора зависела судьба всего человечества, хотя речь шла всего лишь о какой-то несчастной презентации. Наталья сняла очки, потёрла переносицу и посмотрела на экран телефона, рассчитывая увидеть Машу или Сергея, но номер оказался незнакомым. Несколько секунд она просто смотрела на него, раздумывая, стоит ли отвечать, потом всё-таки провела пальцем по экрану и прижала телефон к уху.

— Наталья Викторовна? — спросил женский голос, слишком торопливый для рекламного звонка, и Наталья сразу выпрямилась. Женщина на другом конце линии словно сверялась с чем-то перед собой и продолжила уже увереннее: — Вас беспокоят из школы Софьи Валерьевны. Ваш номер указан среди контактов на случай экстренной ситуации, мы не можем дозвониться до мамы девочки.

Наталья машинально посмотрела на часы, хотя время в этой ситуации ничего не объясняло. Соня должна была находиться на продлёнке примерно до шести, Лера обычно забирала её сама, а если задерживалась, то заранее предупреждала; по крайней мере, именно так она рассказывала, когда однажды попросила Наталью подстраховать её. Это было ещё в прошлом учебном году, после чего Наталья совершенно забыла о том, что её телефон вообще внесли куда-то в школьные бумаги.

— Что случилось? — спросила она, уже чувствуя неприятный холодок под рёбрами. За стеклянной перегородкой кто-то засмеялся, принтер выплюнул очередной лист, на столе мигнуло уведомление электронной почты, но вся эта привычная рабочая суета вдруг отодвинулась куда-то далеко.

— Софья упала на лестнице, — женщина заговорила быстрее, словно испугалась Натальино молчания. — Она рассекла бровь, крови было довольно много. Сейчас девочка в медицинском кабинете, сознание не теряет, чувствует себя удовлетворительно, но школьный врач считает, что её всё-таки нужно показать в травмпункте. До Валерии Андреевны мы пока не дозвонились.

Наталья закрыла глаза и шумно выдохнула через нос. Слово «кровь» всегда звучит страшнее, когда речь идёт о ребёнке, а уж если ребёнок тебе знаком, если ты помнишь его тонкие коленки, два кривоватых передних зуба и нелепую привычку оставлять шоколадные следы на всём, к чему он прикасается, воображение моментально делает своё дело. Перед Натальей уже мелькнуло маленькое бледное лицо, залитое кровью, хотя женщина ясно сказала, что ничего страшного не произошло.

— Вы скорую вызывали? — спросила Наталья и уже поднялась из кресла, отыскивая взглядом сумку. Она поймала себя на этом движении и на мгновение замерла, потому что вообще-то Соня была не её ребёнком, даже не родственницей, и существовала Лера, которая могла приехать через пять минут.

— Наш врач осмотрела её, экстренной необходимости в скорой нет, но забрать девочку должен взрослый из списка, — объяснила сотрудница школы, после чего чей-то детский голос невнятно прозвучал рядом с телефонной трубкой. Женщина кому-то тихо сказала: «Сонечка, не трогай повязку», а затем снова вернулась к разговору: — Мы продолжаем звонить маме. Возможно, она просто не слышит телефон.

Наталья медленно села обратно. Всё разумное в ней подсказывало сказать, чтобы продолжали звонить Лере, а самой спокойно закончить рабочий день; в конце концов, у ребёнка

не оторвана рука, не сломана нога и рядом есть взрослые. Лера могла находиться за рулём, в магазине, в душе, да где угодно, и через несколько минут обязательно увидит пропущенные вызовы. Наталья даже открыла рот, чтобы именно это и сказать, но в трубке вдруг послышалось тонкое всхлипывание, а потом знакомый детский голос спросил совсем рядом:

— Тётя Наташа?

Она невольно прижала телефон крепче. Соня говорила тихо, гнусаво, будто плакала долго и теперь пыталась не начать снова.

— Я здесь, Сонечка, — сказала Наталья, чувствуя, как раздражение из-за испорченного рабочего дня куда-то исчезает. Она уже тянулась за сумкой, а свободной рукой выключала монитор. — Что ты там устроила, разбойница? Решила проверить лестницу головой?

На другом конце провода Соня хлюпнула носом, а потом раздался слабый смешок. Девочка всегда легко смеялась, даже если за минуту до этого плакала, и Наталье нравилась в ней именно эта удивительная способность не копить в себе неприятности дольше необходимого.

— Я не специально, — пожаловалась Соня, и голос её снова задрожал. — Меня Саша толкнул, но он тоже не специально. Мы бежали, а там ступенька была.

— Какая неожиданность, ступенька на лестнице, — ответила Наталья, засовывая телефон между плечом и ухом, чтобы освободить руки и надеть пиджак. — Сиди спокойно, ничего не трогай и слушай врача. Я сейчас приеду.

Она сказала это раньше, чем окончательно решила ехать. Так с ней случалось довольно часто: сначала Наталья принимала решение вслух, а затем уже начинала объяснять самой себе, почему другого решения быть не могло. Оставить семилетнюю девочку сидеть в школьном медпункте только потому, что её мать не слышит телефон, казалось неправильным, а неправильные вещи Наталья не любила почти так же сильно, как беспорядок в документах и людей, которые обещают перезвонить через пять минут, а исчезают на сутки.

— Правда? — Соня будто сразу перестала плакать. Её голос стал громче, потом отдалился, видимо, врач попыталась снова усадить девочку. — А мама тоже приедет?

— Конечно приедет, как только увидит звонки, — ответила Наталья и улыбнулась, хотя Соня не могла её видеть. — А пока потерпишь меня.

Она закончила разговор и только тогда заметила, что в дверях кабинета стоит Оксана, её заместительница. Женщина смотрела на Наталью с вопросом и держала в руках папку, ради которой наверняка собиралась устроить ещё одно получасовое обсуждение, но, увидев уже надетый пиджак и сумку, всё поняла сама.

— Что-то случилось? — спросила Оксана, переступая порог. Она положила папку на край стола и сразу стала серьёзнее.

— Ребёнок знакомой разбил голову в школе, мать недоступна, — Наталья торопливо собрала со стола телефон, ключи и очки, оставив всё остальное как есть. Она терпеть не могла уходить с рабочего места в таком состоянии, но сегодня пришлось. — Не голову, конечно, бровь рассекла. Но я съезжу, потом из дома всё закончу.

— Езжай, — Оксана кивнула и, заметив взгляд Натальи на оставшиеся бумаги, добавила с лёгкой усмешкой: — Мир не рухнет, если вот эта куча полежит до завтра.

— Не зарекайся, — ответила Наталья, на ходу поправляя ремень сумки. Она задержалась у двери, показала на папку и добавила: — Это тоже до завтра. Если только там не пожар, потоп или внезапное пришествие налоговой, меня сегодня уже не существует.

Коридор встретил её сухим офисным теплом и запахом дешёвого кофе из автомата. Несколько человек поздоровались с Натальей, кто-то попытался остановить вопросом, но она только махнула рукой и прошла мимо, уже открывая приложение такси. На улице моросил мелкий августовский дождь, совсем не холодный, но противный тем, что оседал на волосах

и воротнике множеством крошечных капель. Наталья встала под козырьком у входа и снова набрала Леру. Длинные гудки тянулись один за другим, никто не отвечал.

— Ну где же ты? — пробормотала она, глядя на экран. Потом звонок оборвался, и Наталья сунула телефон в сумку, заметив подъехавшую машину.

До школы ехать было минут двадцать пять, но в пять часов город решил доказать обратное. Машины ползли по мокрому асфальту, красные огни стоп-сигналов тянулись вперёд бесконечной цепочкой, водитель сначала ругал ремонт дороги, потом погоду, потом неизвестного человека на серой машине, который, по его мнению, вообще не заслуживал водительского удостоверения. Наталья отвечала односложно и почти не слушала. Она снова звонила Лере, отправила сообщение, потом зачем-то написала Сергею: «У Сони неприятность в школе, еду туда. Лера не отвечает». Сообщение ушло, но галочки долго оставались серыми.

С Лерой они познакомились четыре года назад, и Наталья до сих пор прекрасно помнила первый вечер. Сергей привёз женщину к ним домой сам, хотя обычно избегал внезапных гостей и говорил, что терпеть не может, когда люди вторгаются в чужой быт без предупреждения. Лера тогда казалась Наталье почти девочкой: худенькая, растерянная, в дешёвой куртке, с трёхлетней Соней, которая всю дорогу пряталась за маминой ногой и не хотела даже брать предложенное печенье. Сергей рассказал про Андрея, погибшего коллегу, про его младшую сестру, которую бросил муж, про проблемы с жильём. Наталья слушала, смотрела на маленькую девочку и уже через двадцать минут спрашивала, какие вещи им нужны и когда можно показать квартиру её матери.

Тогда это решение казалось совершенно естественным. Мамы не стало всего за несколько месяцев до того, квартира стояла пустой, заходить туда Наталья сама не любила, потому что каждый раз первым делом ожидала услышать из кухни телевизор и мамин голос: «Наташ, ты руки помыла?» Лера нуждалась в жилье, а Соня была маленькой. Какая разница, кому пустовать среди маминих вещей — пыли или живому ребёнку?

Сергей тогда долго обнимал Наталью на кухне. Он стоял сзади, положив подбородок ей на плечо, пока она мыла чашки после гостей, и говорил, что ей досталось слишком большое сердце, из-за которого однажды кто-нибудь обязательно сядет ей на шею. Наталья отмахивалась мокрыми руками и требовала отпустить, потому что вода стекала с локтей, а потом всё-таки повернулась и поцеловала мужа. Она хорошо помнила этот вечер. Почему-то именно сейчас, сидя в такси и глядя на размазанную дождём улицу, воспоминание пришло особенно ясно, хотя никакой причины вспоминать о нём не было.

Машина наконец свернула к школе. Наталья расплатилась, вышла под дождь и быстрым шагом направилась к воротам, ощущая, как каблуки скользят по мокрой плитке. Вахтёр уже был предупреждён, поэтому после короткого разговора её пропустили внутрь и объяснили дорогу до медицинского кабинета. Школьные коридоры пахли мокрой одеждой, старым линолеумом и чем-то мучным из столовой. Где-то далеко гремели детские голоса, хлопали двери, по лестнице пробежали мальчишки, один из которых едва не врезался в Наталью, успел затормозить и испуганно извинился.

Она нашла кабинет по белой табличке и сразу услышала Соню. Девочка уже не плакала, а что-то сердито объясняла взрослой женщине, судя по всему доказывая, что может совершенно спокойно ходить сама и ни в каком сопровождении не нуждается. Наталья открыла дверь и первым делом увидела тонкие ноги в белых колготках, грязных на коленях, потом школьную юбку, синюю кофту и только затем лицо. На правой брови красовалась толстая белая повязка, под которой у виска проступило небольшое розовое пятно.

— Вот и наша спасительница, — сказала женщина в белом халате, поднимаясь из-за стола. Ей было лет пятьдесят, очки висели на цепочке и всё время сползали на кончик носа. — А то Софья уже решила, что прекрасно доберётся домой самостоятельно.

— Я могу, — возразила Соня, но одновременно прыгнула с кушетки и бросилась к Наталье. Последние два шага она явно хотела пробежать, врач тут же прикрикнула на неё, поэтому девочка остановилась и уже значительно медленнее подошла, после чего обхватила Наталью за талию.

Наталья прижала её к себе и только теперь поняла, насколько успела испугаться. От волос Сони пахло шампунем, немного потом и школьной столовой, а сама девочка была тёплая, живая и совершенно целая, если не считать повязки. Наталья провела ладонью по её затылку, после чего осторожно отстранила, чтобы рассмотреть лицо.

— Ну и зачем было пугать взрослых? — спросила она, наклоняясь к Соне. — Нельзя было разбить что-нибудь менее важное? Пенал, например.

— Пенал уже разбит, — совершенно серьёзно ответила Соня и показала ладонью куда-то в сторону своего рюкзака. — Там замок сломался.

— Тогда всё понятно, решила перейти к голове, — Наталья тяжело вздохнула и посмотрела на врача. — Насколько всё плохо?

— Ничего страшного я не вижу, — женщина поправила очки и указала на стул. — Рана небольшая, но края разошлись, поэтому лучше всё-таки показать травматологу. Может, понадобится шов или специальный пластырь. Сотрясение по первичным признакам маловероятно, сознание не теряла, тошноты нет, голова не кружится.

Соня тут же отрицательно замотала головой, доказывая отсутствие головокружения настолько энергично, что врач заставила её прекратить. Наталья усадила девочку обратно на кушетку, взяла за руку и только сейчас заметила засохшую кровь на манжете школьной кофты. Её было совсем немного, но тёмно-красные пятна на белой рубашке под ней выглядели неприятно.

— Лере дозвонились? — спросила Наталья. Она достала телефон и снова посмотрела на экран, но никакого ответа от подруги не было.

— Пока нет, — ответила врач, затем перевела взгляд на другую женщину, сидевшую у небольшого стола возле двери. Та оказалась, видимо, классным руководителем или администратором и всё это время заполняла какие-то бумаги. — Марина Олеговна, что там с отцом?

Женщина подняла голову. Она была моложе врача, с короткими светлыми волосами и усталым лицом человека, которому под конец рабочего дня совершенно не хотелось заниматься чужой кровью и испуганными родителями.

— Только что дозвонились, — сказала она и посмотрела на Соню. — Папа едет, обещал быть скоро.

— Видишь? — Наталья легонько сжала пальцы девочки. — Все сейчас соберутся из-за одной твоей брови. Придётся тебе потом перед нами выступить с официальными извинениями.

Соня нахмурилась, но тут же улыбнулась. Улыбка получилась кривой: справа повязка стягивала кожу и мешала нормально поднимать бровь.

— Папа будет ругаться, — пожаловалась она, глядя на свои колени. — Он говорил не бегать по лестнице.

— Значит, совершенно справедливо будет ругаться, — Наталья ответила без особого интереса и только краем сознания отметила информацию. Про бывшего мужа Леры она знала немного: мужчина существовал где-то за пределами их общения, иногда появлялся в жизни Сони, что было вполне естественно, но Лера о нём почти никогда не говорила.

Наталья и сама не расспрашивала. Ей всегда казалось дурным тоном лезть к женщине с вопросами, почему отец ребёнка живёт отдельно, сколько платит и как часто приезжает. Сергей однажды упомянул, что муж Леру бросил ещё маленькой с ребёнком, и этого объяснения Наталье хватило. Позднее Соня пару раз рассказывала о папе: что он привёз ей большой конструктор, что они ходили в кино, что обещал велосипед. Наталья слушала вполуха, радуясь хотя бы тому, что мужчина совсем не исчез из жизни дочери.

— А маме вы сообщение отправили? — снова спросила она у сотрудницы школы. Наталья посмотрела на свои собственные непрочитанные сообщения и почувствовала уже не тревогу, а раздражение.

— И сообщение, и несколько вызовов, — Марина Олеговна развела руками. — Может быть, что-нибудь с телефоном. Такое бывает.

— Бывает, — согласилась Наталья, хотя самой ей подобная беспечность была совершенно непонятна. У женщины есть ребёнок в школе, значит телефон обязан быть рядом; но вслух она ничего не сказала, потому что прекрасно знала: стоит начать судить чужую жизнь по собственным правилам, и очень быстро все окружающие окажутся безответственными идиотами.

Соня тем временем стала ковырять ногтем край пластыря. Наталья перехватила её руку и отвела от лица, после чего получила возмущённый взгляд.

— Не трогай, — сказала она строже. — Тебе врач уже сколько раз это повторила?

— Три, — ответила Соня, немного подумав. Потом посмотрела на врача и поправились: — Четыре.

— Значит, пятый раз тебе говорю я. Будет шестой — свяжем руки.

— Нельзя детей связывать, — заявила девочка с уверенностью человека, знакомого с законодательством гораздо лучше взрослых. — За это полицию вызывают.

— Тогда придётся рискнуть, — Наталья улыбнулась и убрала с Сониного лба выбившуюся прядь. — Я скажу полиции, что это была медицинская необходимость.

Разговор постепенно успокоил их обеих. Наталья задавала какие-то незначительные вопросы о школе, Соня рассказывала про Сашу, который толкнул её совершенно случайно и теперь, по мнению девочки, наверняка рыдает где-нибудь в туалете, потому что решил, что убил одноклассницу. Потом оказалось, что Саша вовсе не рыдает, а уже трижды заглядывал в медпункт и спрашивал, жива ли Соня. Наталья посмеялась и пообещала, что при следующей встрече объяснит мальчику разницу между лестницей и беговой дорожкой.

Телефон в сумке завибрировал. Наталья мгновенно достала его, ожидая наконец увидеть Леру, но оказалось, что ответил Сергей.

«Что случилось?»

Наталья нахмурилась. Его сообщение выглядело странно коротким, будто он прочитал её текст на ходу.

«Упала в школе, рассекла бровь. Ничего страшного. Я уже здесь, Лера не отвечает», — написала Наталья и нажала отправить.

Сергей прочитал сообщение почти сразу. Несколько секунд внизу прыгали три точки, потом исчезли, так ничего и не прислав. Наталья пожала плечами и убрала телефон. В последние недели у него опять началась эта дурацкая привычка отвечать мысленно. Сам Сергей утверждал, что это возраст и слишком много работы: открывает сообщение, придумывает ответ, отвлекается, а потом искренне уверен, что уже отправил.

— Дядя Серёжа тоже знает? — неожиданно спросила Соня.

Наталья подняла на неё глаза. Вопрос не показался странным: Соня видела, что она кому-то пишет, а Сергей много лет помогал семье покойного Андрея, поэтому девочка прекрасно его знала.

— Теперь знает, — ответила Наталья. Она показала телефон и улыбнулась: — Скоро вся страна узнает, если ты продолжишь собирать столько людей вокруг своей брови.

Соня снова засмеялась, после чего поморщилась и схватилась за повязку, но Наталья успела поймать её руку. Врач неодобрительно покачала головой, будто ответственность за непоседливость ребёнка каким-то загадочным образом уже полностью перешла к Наталье.

Прошло ещё минут десять. Дождь за окном усилился, мелкие капли теперь почти непрерывно шуршали по наружному подоконнику, а кабинет постепенно стал казаться слишком

маленьким и душным. Наталья сняла пиджак, положила его на соседний стул и снова позвала Лере. Ответа не было. Она уже всерьёз начала думать, что с женщиной самой что-нибудь случилось, но тут Марина Олеговна сказала, что отец девочки будет с минуты на минуту, и Наталья решила сначала передать Соню ему, а потом уже разбираться с исчезнувшей матерью.

— Тебя папа в травмпункт отвезёт, — сказала Наталья девочке. — Я могу тоже поехать, если хочешь, пока мама не найдётся.

Соня задумалась так серьёзно, словно решала судьбу государства. Потом крепче сжала Натальину ладонь.

— Поезжай, — попросила она. — А то папа будет нервничать.

Наталья засмеялась.

— Ты головой ударилась, а нервничать будет папа? Хорошо вы устроились.

— Он всегда нервничает, когда я болею, — пояснила Соня. Она немного помолчала и добавила с детской непосредственностью: — Мама говорит, что он тогда становится противный.

Наталья улыбнулась, представив неизвестного бывшего мужа Леры, который наверняка сейчас мчался через весь город и проклинал пробки так же, как недавно делала она сама. Удивительно, но за четыре года они ни разу не встретились. Однажды Наталья даже предложила Лере позвать его на Сонин день рождения, раз уж мужчина общается с дочерью, но та быстро отмахнулась и сказала, что праздник он устроит отдельно. Наталья тогда подумала, что бывшие супруги просто не любят находиться в одной комнате. Ничего необычного в этом не было.

За дверью послышались быстрые шаги. Кто-то шёл по коридору почти бегом, потом замедлился перед кабинетом, будто проверяя номер или табличку. Соня повернула голову первой и сразу заулыбалась.

— Наверное, папа, — сказала она и попыталась слезть с кушетки.

— Сиди уже, бедствие, — Наталья придержала её за плечо. Она сама повернулась к двери, одновременно начиная подниматься со стула, чтобы поздороваться с человеком, которого почему-то за столько лет ни разу не видела.

Дверная ручка опустилась.

Створка распахнулась внутрь, и в кабинет вошёл Сергей.

Наталья сначала даже не удивилась. Мозг услужливо нашёл самое простое и привычное объяснение быстрее, чем она успела вспомнить собственное сообщение. Сергей прочитал, что произошло, понял, где они находятся, и приехал помочь. Вот и всё. Он стоял в дверях в своём сером пальто, расстёгнутом на груди, волосы потемнели от дождя, на правой щеке осталась капля воды. Дышал Сергей тяжело, словно действительно поднялся по лестнице бегом, и смотрел почему-то не на Наталью, а на Соню.

— Серёжа? — удивлённо произнесла Наталья, поднимаясь. — Ты зачем сюда приехал? Я же написала, что ничего страшного...

Соня вырвала ладонь из её пальцев.

Девочка спрыгнула с кушетки, врач не успела даже возмутиться, и бросилась к вошедшему мужчине. Сергей дёрнулся ей навстречу, по привычке раскрыл руки, но в последний момент замер, словно только теперь вспомнил, что в комнате находится кто-то ещё.

— Папа! — радостно закричала Соня, прижимаясь к нему всем телом. Она обхватила Сергея за пояс, подняла лицо с белой повязкой на брови и торопливо заговорила: — Пап, ты только не ругайся, я не специально упала, меня Саша толкнул, но тоже не специально!

Наталья продолжала стоять возле кушетки. Сначала она посмотрела на детские руки, обнявшие Сергея за пояс, затем на его ладонь, которая уже легла Соне на макушку так легко и привычно, словно делала это сотни раз, а потом медленно подняла глаза к лицу мужа.

Сергей смотрел на неё.

Никакого удивления в его глазах не было. Ни одного вопроса, ни растерянности человека, которого чужой ребёнок вдруг назвал отцом, ни попытки рассмеяться над нелепой ошибкой. Был только страх — короткий, голый и настолько настоящий, что Наталья за двадцать четыре года совместной жизни никогда прежде не видела его на лице собственного мужа.

И этого оказалось достаточно. Она ещё ничего не знала, не понимала, не успела даже задать первый вопрос, но где-то внутри уже открылось страшное, холодное знание, против которого Сергей не успеет придумать ни одного объяснения.

Глава 2. Семь лет

Сергей не сразу убрал руку с головы Сони. Несколько долгих мгновений он продолжал стоять у двери, прижимая девочку к себе, и смотрел на Наталью так, будто существовал какой-то правильный порядок действий, который нужно было только вспомнить. Соня тем временем торопливо рассказывала ему про Сашу, лестницу и разбитую бровь, сбиваясь, повторяясь и всякий раз уточняя, что Саша толкнул её совершенно случайно. Она не замечала ничего странного. Для неё папа приехал потому, что дочь ударилась, тётя Наташа приехала потому, что мама не отвечала, а все взрослые, как им и полагается, теперь собрались вокруг неё и должны были решить, что делать дальше.

Наталья слышала девочку, но слова распадалась на отдельные звуки. В кабинете вдруг стало слишком жарко. Белая лампа под потолком резала глаза, дождь шуршал по наружному подоконнику, врач что-то перекладывала на металлическом столике, а где-то в коридоре прозвенел телефон. Всё вокруг продолжало существовать с совершенно оскорбительным спокойствием, словно только Наталья стояла посреди этой маленькой комнаты и не могла понять, почему земля под ногами до сих пор остаётся твёрдой.

— Пап, ты чего? — Соня наконец заметила, что Сергей почти не отвечает. Она подняла к нему лицо, осторожно потрогала пальцем край белой повязки и нахмурилась. — Ты сердитый?

— Нет, солнышко, — ответил Сергей и слишком быстро присел перед ней, словно получил возможность отвернуться от Натальи. Он взял Соню за плечи, внимательно осмотрел повязку, потом осторожно провёл большим пальцем по её щеке. — Покажи мне. Сильно болит?

Наталья смотрела на эти руки. Она знала их двадцать четыре года. Знала короткий белый шрам возле большого пальца правой руки — Сергей порезался стеклом ещё тогда, когда они снимали первую квартиру. Знала привычку потирать костяшку указательного пальца, когда он нервничал. Знала, что зимой кожа у него трескается возле ногтей, потому что он никогда не носит перчатки, сколько ему ни напоминай. Теперь эти знакомые руки держали чужого ребёнка с той свободой, которая не появляется после нескольких случайных встреч.

Они знали Соню.

Наталья отвела взгляд к окну. Ей хотелось найти там хоть что-нибудь, за что можно уцепиться: мокрое дерево, машину во дворе, женщину с зонтом, что угодно. Вместо этого в стекле отражался медицинский кабинет, её собственное лицо и Сергей, присевший перед девочкой.

— Сергей, — сказала она наконец.

Муж поднял голову. На лице его уже почти не осталось того мгновенного страха, который Наталья увидела при его появлении. Он умел собираться быстро, всегда умел. На работе Сергей мог в течение минуты перейти от ярости к совершенно спокойному разговору, если в кабинет входил нужный человек, а дома часто говорил Маше, что взрослого отличает от ребёнка прежде всего способность не разбрасывать свои чувства по комнате.

— Наташ, — начал он негромко и выпрямился. Его взгляд метнулся к врачу, потом к Марине Олеговне и только после этого вернулся к жене. — Давай не здесь.

Она смотрела на него, не понимая смысла сказанного. Или, наоборот, слишком хорошо понимая.

— Что не здесь? — спросила Наталья.

Сергей сжал губы. Соня переводила взгляд с одного взрослого на другого и уже начинала чувствовать, что происходит что-то неправильное. Девочка опять взялась за край повязки, но на этот раз никто её не одёрнул.

— Разговор, — ответил Сергей, немного понизив голос. Он сделал едва заметный шаг к Наталье и добавил почти тем тоном, которым обычно просил её не спорить при Маше: — Не при ребёнке. Я всё объясню.

Слова получились разумными. Настолько разумными, что Наталье почти захотелось рассмеяться. Всё объяснит. Человек, которого семилетняя девочка только что назвала папой, обещает объяснить жене, почему это произошло, и ещё выбирает место, в котором ему будет удобнее это сделать.

— Конечно, — произнесла Наталья, и сама услышала, насколько чужим стал её голос. — Не при ребёнке.

Сергей едва заметно выдохнул. Он решил, что первый маленький кризис миновал, и эта уверенность отразилась в его лице настолько ясно, что Наталья впервые почувствовала не боль, а раздражение. Неужели он действительно подумал, что сумел что-то уладить одной фразой? Неужели за двадцать четыре года привык к ней настолько, что даже сейчас ожидал привычного поведения: Наталья поймёт, Наталья потерпит, Наталья не станет устраивать сцен, Наталья дожждётся подходящего момента?

— Нам нужно отвезти Соню в травмпункт, — вмешалась врач, словно почувствовав, что происходящее уже не имеет отношения к разбитой брови. Она сняла очки, протёрла их краем халата и посмотрела на Сергея. — Вы отец?

Сергей замер всего на долю секунды.

— Да, — ответил он.

Одно короткое слово ударило Наталью сильнее, чем детское «папа». Соня могла ошибиться, могла так называть близкого человека, могла существовать тысяча нелепых объяснений, которые мозг ещё несколько минут назад пытался бы придумать ради спасения привычной жизни. Сергей не оставил ни одного.

— Тогда распишитесь здесь, — врач протянула ему лист и ручку. — И лучше всё-таки сегодня покажите ребёнка специалисту. Я не думаю, что там что-то серьёзное, но бровь может потребовать обработки получше.

Сергей взял ручку. Наталья заметила, что пальцы его дрогнули, когда он наклонился над столом. Совсем немного, так, что никто другой наверняка не обратил бы внимания, но она знала эти руки слишком долго.

В строке для родителя он расписался быстро.

Своей обычной подписью.

Соня стояла рядом и заглядывала ему под локоть.

— А мама тоже приедет? — спросила она, когда Сергей закончил.

— Приедет, — ответил он и положил ручку на стол. Потом посмотрел на дочь и уже мягче добавил: — Наверное, телефон где-то оставила. Сейчас найдётся.

Наталья невольно вспомнила все свои звонки Лере. Семь или восемь попыток за последний час. Сообщения. Потом собственное сообщение Сергею, на которое тот ответил почти сразу после того, как школа смогла дозвониться до «отца». В памяти возникли три точки на экране, которые несколько секунд показывали, что Сергей что-то пишет, а потом исчезли.

Он уже тогда знал.

Когда Наталья сообщила ему, что находится у Сони в школе, Сергей уже знал, что через несколько минут они встретятся.

Наверное, именно поэтому ничего не ответил.

— Наташ, — Сергей подошёл ближе и тихо сказал: — Я прошу тебя, подожди немного. Сейчас приедет Лера, мы отвезём Соню, потом спокойно поговорим.

Она посмотрела ему в глаза. В них было напряжение, но того первого страха уже не осталось. Теперь Сергей не боялся разоблачения — оно уже произошло. Он думал, как справиться с последствиями.

И почему-то именно это оказалось особенно неприятным.

— Ты знал, что я здесь? — спросила Наталья.

Сергей нахмурился.

— Ты же сама написала.

— Когда ты прочитал сообщение, ты уже ехал сюда?

Он не ответил сразу. Молчание продлилось всего пару секунд, но этого хватило.

— Да, — признал Сергей. Он покосился на Соню и добавил тише: — Наташа, пожалуйста.

Она вдруг поняла, что это его раздражает. Не сам вопрос, а необходимость отвечать здесь, перед чужими людьми, без возможности подготовить разговор. Сергей всегда ненавидел потерю контроля. Если поездка срывалась, если стол в ресторане оказывался не забронирован, если кто-то менял договорённости без предупреждения, он раздражался сильнее, чем требовала ситуация. Наталья раньше считала это обычной чертой характера и иногда даже подшучивала: Сергей Александрович любит мир только тогда, когда мир предварительно согласовал с ним расписание.

Теперь мир впервые за много лет ничего не согласовал.

Дверь снова открылась.

Лера вошла быстро, почти вбежала, придерживая одной рукой сумку на плече. Волосы у неё растрепались от дождя, тонкая бежевая куртка намокла на плечах, лицо покраснелось. Она первой увидела Соню и сразу шагнула к ней.

— Господи, маленькая моя! — выдохнула Лера, опускаясь перед дочерью. Она схватила девочку за руки, потом за плечи, оглядела повязку и начала говорить торопливо, не замечая остальных: — Я телефон в кабинете оставила, представляешь? Только вышла, смотрю — куча пропущенных. Как ты? Что болит? Голова кружится?

— Мам, всё нормально, — Соня уже немного устала от внимания взрослых и поморщилась. — Мне только бровь надо показать. Папа тоже приехал. И тётя Наташа.

Лера подняла голову.

Она увидела Сергея.

Потом Наталью.

И остановилась.

Лицо изменилось почти незаметно, но Наталья увидела. Несколько секунд назад Лера была испуганной матерью, запыхавшейся после дороги, а теперь будто вся сжалась изнутри. Рот приоткрылся, пальцы, которыми она держала Соню, разом ослабли. Глаза метнулись к Сергею, и в этом коротком взгляде было слишком много знакомого понимания.

Никакого вопроса.

Никакого удивления.

Лера сразу поняла, почему Наталья стоит возле кушетки и смотрит на неё.

Значит, знала.

Вот эта мысль пришла неожиданно спокойно. Даже удивительно спокойно. Наталья смотрела на женщину, которой четыре года помогала, которую пускала в мамину квартиру, которой привозила старые Машины вещи и однажды среди ночи искала врача для заболевшей Сони, и чувствовала только холод. Потом, наверное, придёт всё остальное. Сейчас внутри словно не осталось места.

— Наташа... — начала Лера.

Сергей резко повернул к ней голову.

— Не сейчас, — сказал он.

Лера тут же замолчала.

Наталья перевела взгляд с одного на другую.

Этого маленького движения оказалось достаточно, чтобы понять ещё одну вещь. Сергей не просто знал Леру. Он привык ею распоряжаться. Одна короткая команда — и женщина, которая секунду назад собиралась что-то сказать, закрыла рот.

— Мам, вы чего все такие странные? — спросила Соня. Она нахмурилась и посмотрела сначала на мать, потом на отца. — Я же не сильно ударилась.

Лера вздрогнула, словно дочь вернула её обратно в комнату.

— Ничего, зайка, — она торопливо обняла Соню и прижала к себе. — Просто я испугалась. Очень сильно испугалась.

— Я кровь видела, — сообщила Соня, явно решив, что это подходящий момент поделиться самым важным. — Её было много. А потом тётя Наташа приехала.

При этих словах Лера закрыла глаза.

Наташья увидела это.

Всего на секунду.

Но увидела.

— Да, — сказала она тихо. — Тётя Наташа приехала.

Лера подняла на неё взгляд. В глазах стояли слёзы, но Наташья пока не могла понять, из-за чего именно: из-за испуга за ребёнка, из-за разоблачения или из-за того, что теперь придётся отвечать на вопросы.

Сергей уже снова взял управление ситуацией в свои руки.

— Нужно ехать в травмпункт, — сказал он, обращаясь прежде всего к Лере. Он говорил спокойно, почти деловито, и только слишком напряжённая линия челюсти выдавала его. — Врач считает, что рану надо показать. Поедем сейчас.

— Да, конечно, — Лера быстро кивнула. Она взяла Сонин рюкзак и стала суетливо проверять, всё ли лежит внутри, хотя делать этого совершенно не требовалось. — Сонечка, куртку надень.

— Мне жарко, — запротестовала девочка.

— На улице дождь.

— Я в машине.

— Всё равно надень, — повторила Лера и резко дёрнула молнию на рюкзаке.

Наташья смотрела на них и вдруг поймала себя на совершенно привычном желании помочь. Куртка Сони лежала на спинке стула рядом с её пиджаком, и рука уже сама потянулась к ней. Четыре года всё происходило именно так: Лера что-то не успевала, Наташья подхватывала; Соня капризничала, Наташья отвлекала; требовалось куда-то отвезти, что-то купить, узнать, договориться — и всё решалось почти естественно, без просьб.

Она всё-таки взяла куртку.

Соня подошла к ней сама и повернулась спиной, ожидая помощи. Наташья несколько секунд смотрела на её тонкую шею, на растрепавшиеся светлые волосы и торчащий из-под кофты воротничок рубашки. Потом расправила рукава и помогла девочке одеться.

Ребёнок ни в чём не виноват.

Эта простая мысль пока была единственной, в которой Наташья не сомневалась.

— Только повязку не зацепи, — сказала она и осторожно поправила воротник. — И больше сегодня никаких лестниц. Даже если встретишь очень убедительную.

Соня засмеялась и повернулась к ней.

— Ты со мной поедешь?

В комнате стало тихо.

Наташья почувствовала взгляд Сергея. Потом Леры.

Соня ничего этого не видела. Она просто ждала ответа.

— Нет, солнце, — сказала Наташья, присев перед девочкой. Она постаралась улыбнуться и, кажется, даже смогла. — У тебя теперь и мама, и папа здесь. Втроём прекрасно справитесь.

— А потом приедешь? — не отставала Соня.

Наташья посмотрела в её глаза и неожиданно поняла, что не знает ответа. Ещё час назад она знала бы точно. Конечно приедет. Если понадобится — привезёт лекарства, фрукты,

какую-нибудь дурацкую игрушку, потому что Соня обожает получать подарки после болезней и каждый раз делает вид, что всё случилось именно ради них.

Теперь сама возможность войти в квартиру Леры казалась чем-то невозможным.

— Посмотрим, — ответила Наталья и погладила девочку по волосам. — Ты сначала до врача доберись и узнай, насколько страшно пострадала.

— Я напишу, — пообещала Соня и вдруг обняла её.

Наталья замерла.

Маленькие руки сомкнулись на её шее. От Сони всё ещё пахло школьной столовой и детским шампунем. Наталья медленно подняла руки и тоже обняла её, осторожно, чтобы не задеть повреждённую бровь.

Она не посмотрела ни на Сергея, ни на Леру.

— Всё, идём, — сказала Лера через несколько секунд. Голос её дрожал, и она сама это слышала, потому что тут же откашлялась. — Сонь, папа машину близко поставил?

— Да, — ответил Сергей. Он взял рюкзак у Леры и впервые за последние минуты посмотрел прямо на Наталью. — Наташ, ты домой?

Вопрос был таким обычным, что несколько секунд она не могла поверить, что услышала именно его.

Домой.

В их квартиру.

В квартиру, где утром Сергей ел приготовленный ею завтрак, искал ключи от машины и спрашивал, не забыла ли она оплатить интернет. В квартиру, где стояли их общие фотографии. Где на спинке кресла лежала его вчерашняя рубашка. Где в ванной рядом с её зубной щёткой стояла его щётка.

— Нет, — сказала Наталья.

Сергей нахмурился.

— А куда?

Теперь она действительно чуть не рассмеялась.

— Тебя это сейчас волнует?

— Наташа, я просто спрашиваю, — он понизил голос и снова посмотрел на Соню. Раздражение, которое до этого пряталось где-то внутри, впервые появилось открыто. — Не надо начинать здесь.

Лера опустила голову.

Наталья посмотрела на мужа внимательнее.

Вот оно.

Не страх.

Злость.

Не потому, что он причинил ей боль. Не потому, что тайная дочь только что назвала его папой перед женой. Сергея раздражало, что Наталья ведёт себя не так, как ему удобно.

— Я ничего не начинаю, — ответила она спокойно. — Забирайте ребёнка.

Она взяла пиджак, надела его и поправила сумку на плече. Руки двигались уверенно, будто принадлежали кому-то другому. Врач что-то сказала на прощание, Наталья даже ответила, но позднее не смогла бы вспомнить ни одного слова.

В коридор они вышли почти вместе. Соня шла между родителями, держа Леру за руку и продолжая рассказывать про Сашу. Сергей нёс её рюкзак. Если смотреть со стороны, можно было увидеть обычную семью после неприятности в школе: испуганная мама, отец, приехавший с работы, семилетняя дочь с повязкой на лице.

Наталья шла на несколько шагов позади.

Эта картина преследовала её до самой лестницы.

Сергей придержал дверь перед Лерой. Лера автоматически сказала ему: «Спасибо». Соня попросила у отца телефон, потому что хотела посмотреть что-то по дороге. Он ответил, что сначала нужно добраться до машины.

Они двигались легко.

Привычно.

Как люди, которые много раз делали всё это вместе.

Может быть, именно это было самое страшное. Не существование ребёнка. Не одно слово «папа». Наталья видела перед собой жизнь, о которой ничего не знала, и эта жизнь совершенно не нуждалась в объяснениях.

У выхода Соня обернулась.

— Пока, тётя Наташа! — крикнула она и помахала рукой.

Наталья тоже подняла ладонь.

— Пока, Сонечка. Не трогай бровь.

— Не буду!

— Будет, — негромко сказала Лера, поймав руку дочери возле лица. Потом она посмотрела на Наталью, но ничего не добавила.

Они вышли под дождь.

Наталья задержалась в школьном холле. Ей не хотелось идти следом, смотреть, в какую машину они сядут, где расположено детское кресло и знает ли Соня, с какой стороны папа обычно открывает ей дверь. Слишком много совершенно ненужных вещей теперь могли получить значение.

Она достала телефон.

На экране было несколько рабочих уведомлений, сообщение от Оксаны и одно от Маши: «Мам, ты сегодня поздно?»

Наталья долго смотрела на имя дочери.

Маша.

Их дочь.

Ей был двадцать один год.

У Сергея была ещё одна.

Семилетняя.

Наталья закрыла переписку, ничего не ответив. Пальцы похолодели. Она сунула телефон обратно и наконец вышла наружу.

Дождь стал сильнее. Серое небо провисло над школьным двором, вода собиралась в мелких лужах между плитками, люди спешили к машинам, прикрывая головы сумками. Наталья сделала несколько шагов к воротам и услышала за спиной:

— Наташа!

Она не остановилась.

— Наташ, подожди!

Шаги быстро приблизились. Сергей догнал её возле ворот и ухватил за локоть.

Наталья резко выдернула руку.

Движение получилось настолько резким, что он сам удивился. За двадцать четыре года она, кажется, никогда не отдёргивалась от его прикосновения.

— Не трогай меня, — сказала Наталья.

Сергей посмотрел на руку, потом на неё.

— Хорошо, — ответил он после короткой паузы. Дождь уже намочил его волосы, вода стекала по вискам, но он словно не замечал. — Хорошо. Только послушай меня.

— Где Соня?

— Лера с ней. Они ждут в машине.

— Тогда иди.

Наталья снова направилась к воротам, но Сергей пошёл рядом. Он не хватал её больше, зато всем своим видом показывал, что разговор состоится независимо от желания жены.

— Мы всё обсудим дома, — сказал он. — Не сейчас. Ты в шоке, я понимаю.

Она остановилась.

Сергей сделал ещё шаг и тоже встал.

— Ты понимаешь? — переспросила Наталья.

— Да, понимаю, — он заговорил быстрее, почувствовав возможность наконец перейти к объяснениям. — Я знаю, как всё выглядит. Знаю, что должен был рассказать раньше. Это очень сложная история, там не всё так, как ты сейчас себе представляешь.

Наталья смотрела на него.

Вот оно опять.

Сложная история.

Не всё так, как кажется.

Он уже начал строить новый порядок вокруг произошедшего. Осталось только правильно расставить слова, подобрать причины, объяснить сроки, и тогда мир снова станет понятным Сергею Александровичу.

— Сколько ей лет? — спросила Наталья.

Сергей замолчал.

Дождь стучал по крыше школьного козырька за их спинами. Машина проехала по луже, вода шумно ударила по бордюру. Какая-то женщина протиснулась между ними и воротами, недовольно посмотрев на Сергея, перегородившего проход.

— Наташа, — произнёс он наконец. — Давай не будем вот так, кусками. Я хочу нормально тебе всё рассказать.

— Сколько лет Соне?

Сергей отвёл взгляд.

И впервые за весь этот кошмар Наталья испугалась ответа ещё до того, как услышала его.

Если четыре — она знала Леру почти с самого рождения ребёнка.

Если пять — связь началась раньше.

Если шесть...

Она вдруг поняла, что уже знает.

Не точную цифру.

Но знает, что ответ будет хуже, чем ей хочется.

— Семь, — сказал Сергей.

Наталья не ответила.

Семь.

Слово оказалось почти беззвучным, хотя Сергей произнёс его совершенно отчётливо. Оно не ударило, не взорвалось, не раскололо окружающий мир. Просто легло внутрь, и прошлое начало перестраиваться вокруг него.

Соне семь.

Значит, восемь лет назад Лера уже существовала в жизни Сергея. Может быть, немного меньше. Может быть, больше. Но семь лет назад появился ребёнок.

Наталья вспомнила море.

Это воспоминание пришло первым и настолько ясно, будто кто-то раскрыл перед ней старый фотоальбом. Им обоим тогда было чуть за сорок. Маша осталась дома у бабушки, потому что считала себя уже взрослой и категорически отказалась ехать с родителями. Наталья и Сергей впервые за много лет отправились вдвоём. Небольшой отель у моря, горячий песок, дешёвое местное вино, которое Сергей терпеть не мог, но всё равно пил вместе с ней по вечерам.

Он тогда фотографировал Наталью на балконе.

Говорил, что она почти не изменилась с их первой поездки.

Они занимались любовью при открытом окне, потому что кондиционер сломался.
Сергей смеялся, когда с улицы донеслась музыка, и сказал, что им снова двадцать пять.
Соне сейчас семь.

Наталья медленно вдохнула.

— Семь, — повторила она.

Сергей сделал шаг ближе.

— Наташа, пожалуйста. Я знаю, что это звучит...

Она подняла руку.

Он замолчал.

В памяти возник следующий год. Маше было четырнадцать, она впервые серьёзно влюбилась в какого-то длинноволосого мальчика из параллельного класса и два месяца скрывала это от родителей, пока Сергей случайно не увидел их возле дома. Он тогда вечером долго разговаривал с дочерью на кухне, а потом пришёл к Наталье и сказал, что главное в семье — доверие.

Доверие.

Годом раньше у него родилась другая дочь.

Ещё одно воспоминание. Новый год. Сергей сидит во главе стола у его родителей, Маша спорит с бабушкой, Наталья разливает шампанское. Муж обнимает её за плечи перед фотографией.

Соне несколько месяцев.

Потом их годовщина.

Машин выпускной.

Болезнь Натальиной матери.

Поездка на дачу.

Ремонт спальни.

Сергей выбирает новые обои и ругается, что Наталья хочет слишком светлые.

Соне год.

Два.

Три.

А затем в их доме появляется Лера.

«Сестра Андрея».

Наталья вдруг вспомнила тот первый вечер совершенно иначе. Сергей сидел напротив Леры за кухонным столом. Лера почти не смотрела на него. Наталья тогда решила, что женщина просто стесняется принимать помощь от чужих людей.

Соня пряталась за матерью.

Ей было три.

Она уже знала Сергея.

Знала, что он папа.

И Сергей привёл её в дом собственной жены.

Наталья почувствовала, что начинает мёрзнуть. Не от дождя. Внутри всё стало холодным, почти пустым, а руки, наоборот, мелко задрожали. Она спрятала их в карманы пиджака, чтобы Сергей не увидел.

— Ты познакомил меня с ней четыре года назад, — сказала Наталья.

Сергей напрягся.

— Да.

— Соне тогда было три.

— Да.

Наталья кивнула.

Теперь цифры начали складываться окончательно.

— Значит, когда ты рассказал мне про Андрея, она уже была твоей дочерью.
Сергей снова посмотрел в сторону.

Это оказалось ответом.

— Наташа, там всё гораздо сложнее, — заговорил он. — Я не могу объяснить тебе восемь лет жизни стоя возле школьного забора.

Восемь.

Вот теперь он сам произнёс это.

Наталя подняла голову.

— Восемь лет?

Сергей понял ошибку слишком поздно. На его лице появилось раздражение, почти злость на самого себя, но Наталя уже всё услышала.

— Я не сказал, что...

— Восемь лет, Сергей?

— Наташ, я прошу тебя, поехали домой.

— Ты спал с ней восемь лет?

Он сжал челюсть.

— Не здесь.

— Ты спал с ней восемь лет?

Рядом снова прошли люди. Сергей дождался, пока они отойдут, и тихо, почти сквозь зубы произнёс:

— Да.

Наталя смотрела на него и почему-то не могла вспомнить, как дышать.

Восемь лет.

Не ошибка.

Не случайность.

Не «так получилось».

Восемь лет — это почти треть их брака.

Она вдруг подумала, что за восемь лет человек может закончить школу и почти получить образование. Можно родить ребёнка и довести его до второго класса. Можно сменить несколько работ, пережить смерть родителей, переехать в другой город.

Можно каждое утро просыпаться рядом с женой и всё это время иметь другую женщину.

— Я всё тебе расскажу, — Сергей снова сделал шаг к ней. Голос его стал мягче, будто он почувствовал, что Наталя сейчас окончательно уйдёт из разговора. — Только не делай выводы раньше времени. Я виноват, я не спорю. Я должен был сказать. Но я не хотел никому разрушать жизнь.

Наталя закрыла глаза.

И неожиданно увидела совсем не Леру.

Сергея.

Семь лет назад.

Он лежит рядом на гостиничной кровати, мокрый после душа, смеётся над чем-то, что Наталя уже не может вспомнить. За окном шумит море. На столике лежат два бокала.

Где-то в другом месте женщина держит на руках его новорождённую дочь.

Знал ли Сергей тогда, что Соня уже родилась?

Наверняка.

Приехал ли он в отпуск сразу после этого?

Или до?

Наталя резко открыла глаза.

— Я сейчас не хочу ничего слышать.

Сергей нахмурился.

— Наташ...

— Ничего, — повторила она. — Вообще ничего.

Она развернулась и пошла прочь.

— Ты куда?

Наталья не ответила.

— Наташа!

Он догнал её через несколько шагов, но на этот раз не решился прикоснуться.

— Мы должны поговорить сегодня, — сказал Сергей. Раздражение снова начало проступать в голосе. — Нельзя просто уйти посреди разговора.

Она остановилась и медленно повернулась.

— Посреди какого разговора, Серёж?

Он осёкся.

Наталья впервые за много лет назвала его так не ласково. Когда-то «Серёж» было домашним именем, принадлежащим кухне, спальне, машине, отпуску, их общим глупым шуткам. Сейчас оно прозвучало почти как имя незнакомого человека.

— Ты восемь лет вёл какой-то разговор без меня, — продолжила Наталья. Голос её оставался удивительно спокойным, и именно это, кажется, раздражало Сергея ещё сильнее. — Ты сам разговаривал, сам отвечал, сам всё решал. Продолжай. Я тебе сегодня не нужна.

— Не говори глупостей, — резко ответил он и тут же пожалел об этом. Наталья увидела, как Сергей на секунду закрыл глаза, пытаясь вернуть себе спокойствие. — Я не это имел в виду. Я хочу нормально объясниться.

— А я не хочу нормально тебя слушать.

— Хорошо. Тогда позже.

Опять он решил.

Позже.

Когда будет правильное время.

Когда Наталья станет удобнее.

Она посмотрела на мужа ещё несколько секунд, потом развернулась и пошла к дороге. Сергей остался стоять возле ворот.

На этот раз он не последовал за ней.

Наталья дошла до ближайшего перекрёстка и только там поняла, что совершенно не знает, куда идёт. Дождь промочил волосы, по лицу стекала вода, каблуки неприятно стучали по мокрой плитке. Она остановилась под навесом закрытого киоска и достала телефон.

Маша снова написала:

«Мам? Всё нормально?»

Наталья смотрела на сообщение долго.

Потом набрала:

«Да. Задержусь».

Она почти отправила, но остановилась.

Стерла слово «да».

Оставила только:

«Задержусь. Не жди меня к ужину».

Отправила.

Сергей звонил уже через минуту.

Наталья посмотрела на его имя.

Раньше рядом с ним стояла фотография, сделанная несколько лет назад на даче. Сергей там шурился от солнца и держал шампур в руке, потому что Маша поймала его в момент, когда он спорил с соседом о правильном приготовлении мяса.

Знакомое лицо.

Знакомое имя.

Незнакомая жизнь.

Наталья отключила звонок.

Почти сразу Сергей позвонил снова.

Она снова сбросила.

Третий звонок не последовал.

Наталья сунула телефон в сумку и прислонилась спиной к холодной металлической стенке киоска. Люди проходили мимо, машины шуршали по мокрой дороге, пахло дождём, бензином и выпечкой из маленькой пекарни через улицу.

Она вдруг вспомнила, что сегодня утром Сергей целовал её.

Перед выходом.

Совсем коротко, в висок.

— Вечером буду поздно, — сказал он тогда, застёгивая часы.

Наталья спросила почему.

Какая-то встреча.

Работа.

Она даже не запомнила.

Теперь хотелось знать каждую минуту.

Где он был вчера?

Позавчера?

Неделю назад?

Кому писал, сидя рядом с ней на диване?

Сколько раз слово «работа» означало Леру?

Сколько раз «пробки» означали Соню?

Сколько дней рождения собственной младшей дочери Сергей отмечал, а потом возвращался домой и спокойно ложился рядом с женой?

Наталья стиснула зубы.

Нет.

Она не станет сейчас перебирать восемь лет по минутам. Иначе сойдёт с ума прямо здесь, под грязным навесом возле закрытого киоска.

Но один вопрос уже никуда не исчезал.

Семь лет назад родилась Соня.

Восемь лет назад Сергей начал изменять.

Значит, всё случилось ещё раньше, чем Наталья могла представить всего час назад.

Она подняла голову и посмотрела на серое небо.

А потом впервые по-настоящему спросила себя, сколько времени её муж вообще был её мужем — и когда именно началась жизнь, о которой она ничего не знала.

Глава 3. Я никого не хотел ранить

Дом встретил Наталью тишиной, в которой не было ничего необычного, и именно поэтому она показалась почти невыносимой. В прихожей стояли Сергеевы туфли, аккуратно сдвинутые к стене носками вперёд, на крючке висела его лёгкая куртка, хотя утром он уходил в другом пальто, а на тумбочке лежала связка ключей с потёртым металлическим брелоком, подаренным Машей ещё в школ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.